

УДК 81:42

О. В. Петешова

**СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАРТИНЫ МИРА
ДИАРИСТА-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПИСАТЕЛЯ**

Охарактеризовано влияние писательского статуса диариста на формирование и способы экспликации языковой картины мира соответствующего типа дискурса.

The article deals with the influence of the diarist's status as a writer on a variety of ways of formation and explication of the language view of the world in the corresponding discourse.

64

Ключевые слова: языковая картина мира, художественная картина мира, дневник, дискурс, писатель, автокоммуникация, адресованность.

Картины мира по-разному формируются и репрезентируются в различных дискурсивных условиях. Своей спецификой обладает в этом отношении и картина мира **диаристического дискурса** (ДД), под которым мы понимаем автокоммуникативный процесс порождения познающими субъектами совокупности текстов, представляющих собой датированное, хронологически последовательное изложение лично значимых для этих субъектов фактов, которые переживаются авторами практически одновременно с актом их письменной регистрации.

В более ранних работах нами уже были установлены параметры процесса формирования **аксиолого-гносеологического аспекта** картины мира ДД, аккумулирующего в себе способы познания и интерпретации мира своим носителем: познание мира в ходе автокоммуникации, синхронность процесса фиксации знаний с моментом их получения и повышенная субъектоцентрированность познавательного процесса. Кроме того, мы выделили основные подсистемы знания автора дневника, складывающиеся в относительно различных дискурсивных условиях в силу интердискурсивной природы ДД и составляющие **онтологический аспект** его картины мира (то есть собственно систему знаний диариста). Это — подсистемы ретроспективного/синхронного/перспективного, естественного/литературного, личного/статусного знания [1].

Перечисленные нами параметры и подсистемы получают специфическое преломление в картине мира писательского ДД (ПДД), то есть ДД, осуществляемого профессиональными писателями.

Что касается **гносеологического аспекта** данной картины мира, то необходимо отметить достаточно условный характер всех вышеобозначенных параметров когнитивно-коммуникативного процесса, если в него включен диарист-писатель. В первую очередь это утверждение затрагивает положение об **автокоммуникативности ПДД**, поскольку в

писательских дневниках нередко фигурируют маркеры однозначной адресованности заметок возможному читателю. Можно выделить три группы подобных маркеров.

1. Фиксация на страницах дневников лишь тех событий, описание которых способствует реализации определенной интенции. Так, в дневнике К. Марти все заметки посвящены анализу роли деревьев в жизни человека.

2. Эксплицитные апелляции к потенциальной «публике»:

– попутные замечания, семантика которых позволяет выявить ожидание автором некоторой читательской реакции (“...*unsingbares Wort, falls jemanden die Idee anspränge, dies zu veropern... (ich rechne auf Widerspruch und Ehrgeiz!)*”) [7, S. 49];

– введение местоимения “*wir*” для обозначения единения диариста с читателями-единомышленниками (“*Aber ein Hauch von diesem Wunder... wird wieder sichtbar, sobald wir den Vorgang mit einem... Kamera auf Farbfilm aufnehmen*”) [12, S. 10];

– использование модального глагола с семантикой разрешения, предполагающего наличие чужой воли (“*Ich darf wohl sagen, dass mir das 20. Jahrhundert die eigentliche Belichtung schafft...*”) [5, S. 192];

– построение предложений с глаголом-сказуемым во втором лице множественного числа и др.

Вместе с тем следует учесть, что наличие в тексте ПДД одного из языковых маркеров такого рода не всегда является сигналом реальной ориентации пишущего на читателя. Например, форма повелительного наклонения “*So bin ich, freut euch!*” в заметках Б. Брехта [3, S. 51] отражает вызов писателя самому себе при перечислении им ряда собственных негативных черт. Данный вывод представляется единственно возможным в контексте нашего знания о том, что молодой Б. Брехт стремился скрыть сам факт ведения дневника.

3. В писательском дневнике могут присутствовать и отдельные элементы авторской «неискренности». В их качестве мы рассматриваем в том числе соответствующие метадискурсивные указания и аббревиатуры, служащие целям конспирации. Так, Л. Ринзер именует пришедшую к ней женщину «*K.*», чтобы не компрометировать ее перед будущими читателями дневника, так как ситуация с участием этой женщины отличается особой щекотливостью [10, S. 45].

Как кажется, относительное разнообразие языковых маркеров адресованности писательской диаристики ставит под вопрос сам факт выделения у ПДД параметра «автокоммуникативность». Однако разрушение диаристического начала в дневниках, предназначенных для публикации, осуществляется, в первую очередь, на содержательном уровне. Случаи появления в текстах ПДД собственно языковых элементов адресованности настолько малочастотны, что, на наш взгляд, на общем фоне их следует рассматривать, скорее, как исключение, чем как некую константу. Даже при апелляции к потенциальному читателю в целом диарист-писатель пользуется теми же средствами кодирования и декодирования информации, что и любой автор дневника. Более того, даже предназначенные к публикации дневники М. фон Эбнер-Эшен-

бах и А. Шнитцлера представляют собой не литературно обработанные, а предельно редуцированные заметки, поэтому мы полагаем возможным выдвинуть тезис о принципиальной автокоммуникативности познавательных процессов, направленных на порождение текстов любых писательских дневников, хотя и еще раз оговариваем ее условный характер.

Особое преломление получает в ПДД и такой параметр ДД, как его **синхронность**. В писательской диаристике активно используются темпоральные союзы и наречия, с помощью которых осуществляется привязка регистрируемых событий к актуальному настоящему. Однако это обстоятельство не всегда сигнализирует о подлинной синхронности записи и соответствующего познавательного акта. Так, в дневнике М. Л. Кашниц перечисленные языковые единицы достаточно распространены, однако в нем же автор регулярно нумерует заглавия записей о собственных воспоминаниях (см., напр.: [6, S. 53; 60; 87]), что в условиях изначальной непредсказуемости процесса воспоминаний возможно только при ретроспективном прочтении самим диаристом какой-то части заметок. В результате мы не можем с уверенностью утверждать, что во всех остальных фрагментах того же дневника писательница маркирует как синхронные действительно синхронные текстовые отрезки. В этой связи мы полагаем целесообразным квалифицировать ПДД как «условно синхронный» процесс.

Наконец, в ПДД специфическую форму приобретает и параметр **«субъектоцентрированность»**. Личность познающего мир субъекта в писательской диаристике по-прежнему находится на переднем плане и познает внешний мир в процессе самопознания, но при этом расширяется экстравертивная направленность когнитивно-коммуникативной деятельности диариста. Кроме того, особое распространение получают имена индивидуально-авторских концептов и маркеры включения индивидуальных концептов в структуру национальных концептов. К ним относятся, например, необычная сочетаемость слов-имен концептов типа *“Sie [Ausdrücke] waren... von einer verblüffenden Intelligenz in der Färbung der Form”* [4, S. 159] или окказионализмы типа слов-«слитков» *“Von-Sitzung-zu-Sitzung-Jagen”* [2, S. 173].

Аксиологический аспект картины мира диариста-профессионального писателя складывается в тех же когнитивно-коммуникативных условиях, что и ее гносеологический аспект. Поэтому более или менее существенные отличия текстов ПДД от текстов ДД в этом отношении возникают лишь на содержательном уровне. Приведем пример. Одно и то же явление писатель-диарист может по-разному оценивать в зависимости от того, какую позицию он занимает в данный момент: писателя или «обыкновенного» человека. Так, утилитарная оценка стыда с точки зрения Ф. Фюмана как писателя резко отрицательна. Это связано с тем, что автор дневника считает стыд препятствием для литературного творчества: *“Ebendiese Scham, die sie im Konventionellen... festhält und sie entmutigt”* [4, S. 150]. Однако с точки зрения Ф. Фюмана как человека, данное чувство оценивается только положительно: *“Von Scham wird... die Privatsphäre... geschützt”* [Там же, S. 149].

Перейдем к анализу особенностей **онтологического аспекта** картины мира ПДД. В этом аспекте представлены те же основные подсистемы диаристического знания, которые были выделены нами при изучении текстов собственно ДД, однако данные подсистемы вновь получают в писательской диаристике специфическое преломление. В частности, мы обнаруживаем отдельные особенности как **ретроспективно**, так и **проспективно ориентированной деятельности** диариста.

В первом случае возможными становятся неожиданные изменения темпоральной перспективы, в которой автором ведется повествование о собственном прошлом. Так, обобщенно описывая судьбу трех сестер, одной из которых является она сама, М.Л. Кашниц периодически перемещается из прошлого, с позиций которого она изображает себя в настоящем, в настоящее, с позиций которого она судит о себе в прошлом, поэтому все описание воспринимается, скорее, как продуманный литературный текст, чем как спонтанное письмо.

Новым содержательным элементом проспективной деятельности писателя-диариста является формулирование относительно четких планов дальнейшего творчества. Как правило, они строятся в форме нумерованных списков, аккумулирующих информацию об основной тематике потенциальных произведений.

Изменения затрагивают и ранее обозначенную нами оппозицию **«естественное/литературное знание»**: роль и доля знания, полученного писателем в ходе эстетического освоения действительности, заметно увеличиваются. Дело здесь в том, что современные писатели нередко рассматривают дневник прежде всего как очередной способ письменной самореализации, что побуждает их к широкому использованию тропов и стилистических фигур.

Эта тенденция проявляется и в ситуации исключительно автокоммуникативно ориентированного письма. Даже в писательских дневниках, в целом характеризующихся лексико-синтаксической редуцированностью, могут неожиданно появиться красочные высказывания, выдающие писательскую привычку к образному мышлению. Объективированные в таком контексте образы, вероятно, формируются и фиксируются столь же спонтанно, что и окружающие их редуцированные пассажи. Так, предложение из дневника К. Марти *“Roßkastanienbäume: des Sonnenkönigs und seines Adels Favoriten, Zierden absolutistischer Gartenkunst”* [8, S. 13] строится по типичной для дневников сокращенной модели «объект: характеристика объекта», однако характеристика кратко обозначенного объекта — каштановых деревьев — отнюдь не лаконична и отличается высоким уровнем образности.

Последнюю группу подсистем диаристического знания, то есть подсистемы **личностного и статусного знания**, мы выделили на основе оппозиции «субъективно/объективно обусловленный характер коммуникации» [1]. В первой из них мы различали знания бытовые (о буднях) и бытийные (о существенных надличностных смыслах). В текстах ПДД эти подсистемы получают относительно новое содержательное наполнение. Например, важным слагаемым будней диариста становится его писательская деятельность. Главным языковым маркером вступления в

сферу бытового писательского знания является глагол *arbeiten*, зачастую употребляемый ведущими дневник субъектами применительно к процессу создания литературных произведений: "...*Versuche am Sekundanten weiterzuarbeiten...*" [11, S. 72].

В большинстве дневников писательская деятельность diarиста может освещаться и с бытовых позиций. Обычно рассуждения писателя о произведении, над которым он работает параллельно с ведением дневных записей, инициируются типичными для каждого конкретного писателя словосочетаниями. В частности, в дневнике Г. Крауссера такие словосочетания строятся по модели "zu + название литературного произведения + двоеточие + бытийный элемент": "*Zu Thanatos: dem Leser die Verlorenheit aufzwingen...*" [7, S. 71].

Что касается элементов статусного знания в писательской диаристике, то с определенных позиций возможно рассмотрение любых составляющих писательского дискурса как статусно-ориентированных, поскольку принадлежность субъекта к кругу профессиональных писателей носит статусный характер.

Таким образом, наши рассуждения наглядно продемонстрировали, что спецификация писательского статуса автора дневниковых заметок позволяет установить целый ряд особенностей, проявляющихся в процессе формирования картины мира ПДД.

Список литературы

1. Бондарева Л. М., Петешова О. В. ПДД с позиций теории интердискурсивности // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2008. № 2. С. 60–65.
2. *Becher J. R. Auf andere Art so große Hoffnung: Tagebuch 1950*. Berlin, 1951.
3. *Brecht B. Tagebücher 1920–1922*. Berlin; Weimar, 1976.
4. *Fühmann F. Zweiundzwanzig Tage, oder Die Hälfte des Lebens*. Rostock, 1999.
5. *Jünger E. Strahlungen I*. München, 1995.
6. *Kaschnitz M. L. Tage, Tage, Jahre*. Frankfurt a/M, 1974.
7. *Krausser H. Juli*. Reinbek bei Hamburg, 1998.
8. *Marti K. Tagebuch mit Bäumen*. Darmstadt, 1985.
9. *Remarque E. M. Tagebücher 1935–1955*. Köln, 1998.
10. *Rinser L. Wachsender Mond*. Frankfurt a/M, 1988.
11. *Schnitzler A. Tagebuch 1931*. Wien, 2000.
12. *Strittmatter E. Wahre Geschichten aller Ard(t)*. Berlin, 1983.

Об авторе

О. В. Петешова — ассист., асп., РГУ им. И. Канта.